

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

АВТОР “РОССИИ И ЕВРОПЫ”

К 125-летию со дня смерти Н. Я. Данилевского

Выдающийся мыслитель, естествоиспытатель, идеолог славянофильства Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне Измалковский район Липецкой области). Ливны и окрестности – родина многих и многих выдающихся людей России. Здесь, в отличие от других, более северных уездов, издавна жило много однодворцев, не испытывавших крепостной зависимости, приученных к военному укладу жизни и постоянным опасностям. В душах этих сильных и трудолюбивых людей не было утрачено чувство достоинства, независимости, уважения к традициям и старине. В селе Козьмодемьяновском Ливенского уезда (ныне село Козьминка) родился Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826) – военный губернатор Москвы в 1812 году. Ростопчин в период правления императора Павла I руководил Военной коллегией, внешнеполитическим ведомством и почтовым департаментом. Ростопчин вошел в историю как один из видных представителей русского консерватизма, публицист, автор патристических памфлетов и афиш 1812 года.

Ливны и Ливенский уезд – родина философа Сергея Булгакова, авиаконструктора Николая Поликарпова. Нельзя не назвать в этом ряду и Феофана Затворника (Говорова), который родился в селе Чернавке Елецкого уезда (30 верст от Ливен) в 1815 году, шесть лет учился в Ливенском духовном училище, а затем в духовной семинарии в Орле.

Феномен русской провинции, столь щедрой на гигантов духа и интеллекта, еще требует своего изучения. В. Г. Белинский пытался понять загадку глубинки, которая рождает неординарных людей: “Гении рождаются сотнями только там, где, вследствие обстоятельств, царствует полное неведение того, что называется действительностью, где каждый собою меряет весь мир...”

Оберец был родовым имением матери Данилевского Дарьи Ивановны, урожденной Мишиной (1800–1852). Его отец – Яков Иванович Данилевский (1789–1856) закончил Московский университет, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Молодым офицером он был участником заграничного похода в составе гусарского полка, получил ранение в “битве народов” под Лейпцигом в 1813 году. На момент рождения Николая отец по-прежнему был военным (впоследствии дослужился до чина кавалерийского генерала) и служил в городе Ливны.

КОНДРАТЕНКО Алексей Иванович родился в 1964 году в Воронеже. Кандидат политических наук. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Живет в Орле.

Так как отец часто менял места службы, дети Николай, Александр и Елена странствовали вместе с родителями. Можно представить, какими остались в памяти юного Николая Данилевского провинциальные Ливны. Уездный град в те годы насчитывал с полтысячи домов, среди которых было всего два-три десятка каменных. Проживало здесь не больше пяти тысяч жителей, многие из которых занимались оптовой торговлей сельскохозяйственной продукцией. Городок помещиков, купцов, мелких чиновников, отставных военных... Однако карьера отца не позволяла семье подолгу оставаться на одном месте. К тому же Я. И. Данилевский, увлеченный со студенческих лет наукой и литературой, способствовал развитию в сыне наклонностей к научному поиску. Николай был учеником частных пансионов в Москве, в Дерпте, в пятнадцать лет владел английским, французским, немецким языками и латынью. С 1837 года учился в Царскосельском лицее. При Данилевском в лицее преподавали Шульгин, Георгиевский, Эбергард, помнившие юного Пушкина и делившиеся своими воспоминаниями о нем с новыми поколениями лицеистов.

Однако это было уже совсем не то учебное заведение, которое хорошо известно всем нам по ученической поре А. С. Пушкина. Уже не было лицейского братства, свободолюбивых идей. В николаевскую эпоху лицей обрел куда более консервативные черты. Поступивший сюда двумя годами позже Данилевского М. Е. Салтыков-Щедрин вспоминал: «В то время, и в особенности в нашем “заведении” вкус к мышлению был вещью очень мало поощряемую. Высказывать его можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний». По словам Салтыкова-Щедрина, все лицейское воспитание было направлено только к одной цели – «приготовить чиновника».

Окончив лицей в декабре 1842 года, Николай Данилевский поступил на службу в канцелярию военного министерства, но мечтал учиться дальше. Тогда же он определился вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Юный Николай Данилевский, по воспоминаниям друзей, «не имея ничего и ничего ниоткуда не получая», в 1840-е годы жил исключительно на гонорары за свои публикации в журналах.

Университетские годы для Николая Данилевского стали временем искренней дружбы с Петром Семеновым (будущим знаменитым географом и путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским) – юным самоучкой, приехавшим в Петербург из рязанской глуши. Близорукий и угловатый Петр, несмотря на отсутствие систематического начального образования, блестяще поступил в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Он учился здесь не из-за любви к военному делу, а из-за того, что некому было оплатить его обучение в обычной гимназии. Любимым занятием Петра было наведываться по воскресеньям к старшему брату Николаю – однокашнику Николая Данилевского по лицу, а затем по университету. Оба Николая, став студентами, жили в одной комнате на Васильевском острове. Вскоре перебрался к ним и Петр, окончивший в 1845 году военную школу. Он, как и Данилевский, начал ходить вольнослушателем на университетские лекции. Из мемуаров П. П. Семенова-Тянь-Шанского:

“Николай Яковлевич Данилевский, с которым так тесно были сплетены мои университетские годы, так как мы не только жили вместе, но и делили между собою все свои занятия, был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью. Сын бойкого и типичного гусара, часто переменявшего, в особенности при командовании полком, а потом и в генеральском чине, место своего жительства, Данилевский был отдан своим отцом в ранние годы в очень хороший пансион в Дерпте и оттуда уже поступил в Царскосельский лицей, где в своем классе был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников. После выпуска из Лицея он не удовлетворялся полученным им образованием и захотел дополнить его университетским. В университетские годы произошла в нем резкая перемена: из человека консервативного направления и набожного он быстро перешел в крайнего либерала сороковых годов, причем увлекся социалистическими идеями и в особенности теорией Фурье. Данилевский обладал огромной эрудицией: перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим все лучшие тогда исторические сочи-

нения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений (Фурье, Сен-Симона, Овена и т. д.). <...>

Во время моей совместной жизни с Данилевским, после отъезда брата и дяди из Петербурга, круг нашего знакомства значительно расширился, главным образом потому, что Данилевский, не имея никакого состояния, должен был обеспечивать свое существование литературным трудом и писал обширные, очень дельные научные статьи в “Отечественных записках”. Это ввело его в знакомство не только с Краевским (редактором их), но и с многими другими литературными деятелями и критиками — Белинским и Валерианом Майковым. Они оценили необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию”.

Действительно, Данилевский был одним из плодовитых публицистов своего времени — к примеру, в 1848 году “Отечественные записки” опубликовали три его критические статьи о только что вышедшей в русском переводе фундаментальной работе немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта “Космос”.

Данилевский получил в университете степень кандидата в 1847 году, Петр Семенов, необычайно быстро освоивший курс наук, — уже в 1848-м. Магистранты настойчиво собирали материал для своих диссертаций. Семенов исследовал Тамбовскую, Воронежскую и другие губернии, на этой основе написал и защитил диссертацию “Придонская флора”. Данилевский, по поручению Вольного экономического общества, занимался изучением границ чернозема в средней полосе России и флоры этих районов. Он написал диссертацию “Орловская флора”. Судьба рукописи до сих пор неизвестна, однако Данилевский остался в истории Орловского края одним из первых исследователей местной флоры. В 1840-е и 1850-е годы он подолгу гостил в селе Русский Брод (Лаврово) Ливенского уезда (ныне Верховский район Орловской области) у своих друзей Лавровых, занимаясь здесь ботаническими и геологическими изысканиями.

Сестра Данилевского Елена училась в институте благородных девиц. Елена была знакома с вдовой бывшего сослуживца отца по ливенскому полку генерала Беклемишева — Верой Николаевной (урожденной Лавровой). Е. Н. Беклемишева рано овдовела, прожив в браке со своим мужем Андреем Николаевичем Беклемишевым (1792–1840) всего шесть лет. Оставшись вдовой в 24 года (детей у них не было), Вера Николаевна поселилась у своего отца Николая Евгеньевича Лаврова в селе Русский Брод. Здесь и состоялось ее знакомство с Николаем Данилевским. Это произошло в 1844 году, когда Н. Я. Данилевский вместе с сестрой Еленой приехал погостить в Русский Брод. В последующие годы он проводил здесь летние месяцы (порой гостил по полугоду): занимался исследованием растений и древних окаменелостей, вел свои разнообразные геологические изыскания. Так случилось, что Николай Яковлевич признался Вере Николаевне в своих чувствах лишь за несколько дней до ареста... Это было знаменитое “Дело петрашевцев”.

Кружок петрашевцев

Истоки объединения молодежи вокруг Петрашевского коренятся, конечно же, в тех процессах, которые начались в России еще в период Александра I. Последние годы его правления носили отпечаток глубокого душевного разлада: от нерешаемых проблем России царь спасался на европейских конгрессах, где монархи и дипломаты льстиво прославляли его как просвещенного и либерального правителя. Восстание декабристов дало мощный толчок духовному развитию российского общества и одновременно затормозило эволюцию российского государства, потому что Николай I отдалил от власти ту часть дворянской верхушки, которая стремилась к переменам в российской жизни и укладе Российского государства.

В кружке Михаила Буташевича-Петрашевского (регулярные встречи устраивались по пятницам с весны 1846 года) активно обсуждали разнообразные общественные и политические темы: крестьянский вопрос, судостроительство, свобода печати, — словом, все то, что предвосхищало проблематику реформ 1860-х годов.

Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского: “Кружок даже наших близких знакомых был во время посещения нами университета не исключительно

студенческий, а состоял из молодой, уже закончившей высшее образование интеллигенции того времени. К нему принадлежали не только некоторые молодые ученые, но и начинавшие литературную деятельность молодые литераторы, как, например, лицейские товарищи Данилевского: Салтыков (Щедрин) и Мей, Ф. М. Достоевский, Дм. В. Григорович, Ал. Ник. Плещеев, Аполлон и Валериан Майковы и др. Посещали мы друг друга не особенно часто, но главным местом и временем нашего общения были определенные дни (пятницы), в которые мы собирались у одного из лицейских товарищей брата и Данилевского – Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского”.

Члены кружка были увлечены теориями Сен-Симона, Леру, Ламэнэ, Луи Блана, Кабэ. Особенно чтим был Шарль Фурье (Петрашевский иногда называл себя фурьеристом). Можно предположить, что и Николай Данилевский имел высокий авторитет в кругу петрашевцев – ведь именно он читал здесь лекции об учении Фурье, о социальной гармонии, т. е. об идеальном обществе, где все люди счастливы, где нет антагонистических противоречий, политической борьбы, эксплуатации одного человека другим. Высшей целью он считал выведение формулы счастья, основанного на полном удовлетворении всех человеческих страстей: “Вывести человеческий строй из социального хаоса, искоренить по всей земле нищету и преступления”.

Русских вольнодумцев привлекало в Фурье то, что он мыслил масштабно, обозначал глобальные тенденции. Фурье с яростью обличал: “Неукротимая ярость негров превратит вскоре Америку в обширное костехранилище и отомстит муками завоевателей за уничтоженные ими туземные расы. Торгашеский дух открыл новые пути преступлению: с каждой войной он распространяет распри по обоим полушариям и несет в глубь наших областей соблазны корыстолюбия строя цивилизации; наши корабли обходят весь свет лишь для того, чтобы приобщить варваров и дикарей к нашим порокам и нашим неистовствам”.

По мнению Фурье, глобализация в идеале должна была сопровождаться социальной гармонизацией, в процессе глобализации нации должны были получать все лучшее, а не худшее. С пафосом он предсказывал: “Мы станем свидетелями зрелища, которое можно видеть один только раз на каждой планете: внезапный переход от бессвязности к социальной согласованности... установление различных проявлений единства по всему земному шару, как-то: единства языка, мер, типографских знаков и других средств сношений”.

Николай Данилевский, читая петрашевцам лекции об учении Фурье, был вынужден в мельчайших подробностях повторять описание идеального строя будущего и возможные пути перехода к нему. Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского:

“Н. Я. Данилевский читал целый ряд рефератов о социализме и в особенности о фурьеризме, которым он чрезвычайно увлекался, и развивал свои идеи с необыкновенно увлекательной логикой. Достоевский читал отрывки из своих повестей “Бедные люди” и “Неточка Незванова” и высказывался страстно против злоупотреблений помещиками крепостным правом... Данилевский и я познакомились с двумя Достоевскими в то время, когда Федор Михайлович сразу вошел в большую славу своим романом “Бедные люди”, но уже рассорился с Белинским и Тургеневым, совершенно оставил их литературный кружок и стал посещать чаще кружки Петрашевского и Дурова... Мы знали близко Достоевского в 1846–1849 годах, когда он часто приходил к нам и вел продолжительные разговоры с Данилевским”.

Увы, за происходящим в “противуправительственном обществе” уже давно пристально следили... В конце апреля 1849 года произошла серия арестов. В частности, Николай Данилевский в это время находился на научной практике в Тульской губернии, на Красивой Мече, где был арестован и доставлен в Петербург. Три месяца ему предстояло провести в Петропавловской крепости. На удивление, талантливый молодой лектор Данилевский сумел убедить следственную комиссию в том, что его увлечение системой Фурье носило чисто экономический, но никак не политический характер. Это в самом деле удивительно, так как Фурье однозначно указывал: “Вопросы социальной политики всегда будут неразрешимы, пока будет желание умозрительничать по поводу строя цивилизации”.

Действительно, нельзя было проповедовать учение Фурье и одновременно мириться с существующим строем. Однако Данилевский нашел такое объ-

ясение, которое в значительной степени смягчило тяжесть его положения. Комиссия оправдала его, избрав в качестве меры лишь ссылку в Вологду.

Время странствий

Н. Я. Данилевский в Вологде служил чиновником особых поручений при губернаторе, изучал местную природу, написал ряд научных трудов, в том числе о климате губернии. Этот труд был отмечен премией Русского географического общества. Награда обнадеживала. Постепенно Данилевский понимал, что ссылка открыла какую-то новую страницу в его жизни. Не случайно Белинский восклицал в одном из своих очерков:

“Что бы ни делали в жизни молодые люди, оставляющие Москву или Петербург, — они делают; москвичи же ограничиваются только беседами и спорами о том, что должно делать, беседами и спорами часто очень умными, но всегда решительно бесплодными... Молодые люди, если вовремя не выедут из Москвы, перестают подавать о себе какие-нибудь надежды, как люди, для которых прошла пора обещать, а пора исполнять еще не наступила”.

Вологда стала не только местом ссылки Данилевского. Сюда к нему приехала Вера Николаевна Беклемишева, в сентябре 1852 года состоялась их свадьба.

В 1853 году Данилевский был переведен в Самару в канцелярию губернатора на должность переводчика. Здесь Николая Яковлевича ждало колоссальное потрясение — в июне 1853 года супруга Вера Николаевна умерла во время эпидемии холеры.

Данилевский писал своему приятелю вологодскому помещику А. П. Межакову: “10 июня в восьмом часу утра скончалась Вера Николаевна от холеры, принявшей такой скрытый и необыкновенный для этой болезни характер, что ни она сама, ни мы, все окружающие, не могли даже предполагать в ней ничего опасного. Уверенности полной в смерти ее не имел я до самого последнего движения ее, так что даже не успел с ней вполне и окончательно проститься. Если Вы знали, как я ее любил, что 9 лет все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель, и что я пользовался так долго ожидаемым счастьем только 9 месяцев, Вы поверите мне, что я остался совершенно без цели в этой жизни. Ежели бы я говорил это в отчаянии, Вы по справедливости могли бы усомниться в истине моих слов, но я пишу их с полным хладнокровием и обдуманностью. По характеру я не способен к отчаянию и теперь, когда все прошло, скажу Вам искренне, что как любовь моя, так и горе мое при всей силе их — остались всегда сознательными и обдуманными. Поэтому прошедшее ручается у меня за будущее, да я и желаю, чтобы было так. Перенесенная мною потеря вполне показала тщету всего, кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там в лучшем и совершеннейшем виде”.

Спасением от горя стало неожиданное для Данилевского предложение принять участие в научной работе. В статье “Литературная экспедиция” известный писатель-этнограф С. В. Максимов рассказывал о том, как при содействии великого князя Константина Николаевича было положено начало литературно-научной работе с целью изучения быта и занятий населения на окраинах страны. К участию в ней были привлечены Н. Я. Данилевский, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, А. Н. Островский и другие. Еще более масштабной была организованная Министерством государственных имуществ экспедиция под руководством натуралиста академика Карла Максимовича (Карла-Эрнста) Бэра (1792—1862), в которой Данилевский также принял участие.

Рыбные запасы Нижней Волги ошеломили экспедицию: один невод приносит десятки, сотни пудов. Казалось, богатства Волги и Каспия неисчислимы. Но экспедиция зорко отметила уменьшение количества рыбы в Средней Волге по сравнению с предыдущими годами, хищнические, недопустимые методы ее добычи. На рынках волжских городов появлялось все больше маломерной рыбы...

А вот что писал Н. Я. Данилевский об уральском рыболовстве:

“Урал есть единственная в мире большая река, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены в жертву все прочие услуги, оказываемые человеку текучими водами. На нем нет ни судоходства, ни сплава лесу, ни движимых водою мельниц... рыба находит в Урале до поры до

времени полное приволье и совершенные тишину и покой. В море, против устьев Урала, существует заповедное пространство, шириною верст в 80, на котором никогда не ловят рыбы и где ей совершенно свободный ход”.

Период исследований совпал с Крымской войной, когда прекратился импорт голландской сельди. Идеи использования некоторых видов промысловых рыб (в частности, астраханской сельди) не только для получения жира, но и для засола, а затем питания населения, имели важное значение для решения продовольственного вопроса в России.

Многолетними трудами экспедиций был собран материал, который стал основой для разработки российского законодательства о рыболовстве. Работы Данилевского были отмечены золотой медалью Русского географического общества...

В вологодском селе Никольском, в усадьбе рано ушедшего друга А. П. Межакова, Данилевский встретил его дочь Ольгу, которой вскоре сделал предложение. Ольга Александровна дала согласие, но было решено сыграть свадьбу после окончания очередной экспедиции на Север. Бракосочетание состоялось в октябре 1861 года. Вторая жена Данилевского была моложе его на 15 лет, у них родилось пятеро детей.

Жизнь в Крыму

Завершив многолетние путешествия, в 1864 году Данилевский поселился с семьей на Южном берегу Крыма, купил имение Мшатка у Фороса. Это были развалины особняка, сожженного в Крымскую войну, — зримое свидетельство грозных испытаний, с которыми столкнулась Россия. Руины Мшатки будто напоминали о шаткости европейского устройства, предвещали грандиозную бурю в самом недалеком будущем...

Поражение в Крымской войне потрясло Российскую империю. И дело было даже не в чисто военном проигрыше. К противникам — Англии и Франции присоединились Австрия и Пруссия, что завершило политическую и военную изоляцию. Это столкновение с Европой сыграло роль звонка, означавшего, что Россия отстала от остального мира. Обострился “польский вопрос”. В самой России начались крестьянские восстания, поднял голову терроризм. Страна переживала эпоху разброда, были утрачены привычные ценности и ориентиры.

В зарубежной прессе стали говорить, что Россия после подписания Парижского трактата “обиделась” на Европу, потеряла интерес к ее событиям, “ушла вглубь своих скифских степей” и не хочет (а заодно уже и не может!) деятельно участвовать в европейской политике: “Россия перестала быть частью Европы”. Определяющую роль в формировании нового внешнеполитического курса сыграл тогда князь А. М. Горчаков, назначенный главой русского МИД в апреле 1856 года. Именно он составил циркулярную депешу МИД во все российские посольства за рубежом. В ней были пророческие слова: “Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредотачивается”.

Немало повидавший и переживший Данилевский, обустроиваясь в Крыму, думал уже не о себе, не о прежнем кружке пылких юношей, и даже не о своем поколении, которое готово было принять определение “потерянное”. Данилевский все больше задумывался над закономерностями социально-экономического развития.

В 1856 году он начал работу над книгой “Россия и Европа. Взгляд на культурно-историческое отношение Славянского мира к Германско-романскому”.

На изломе царствования Александра II в середине 1860-х годов ожидания, не нашедшие удовлетворения в пределах уходящей эпохи, оказались чрезвычайно сильны, а средств для их осуществления у самого общества было еще так мало! Масса идей не находила почвы для реализации, могла остаться только на страницах научных трактатов. Одной из таких новых идей был панславизм. Термин “панславизм” родился, как ни удивительно, не в России, а в правительственных кабинетах европейских столиц, его ввели в оборот в 1840-е годы буржуазно-националистические круги Австро-Венгрии и Германии, видевшие в славянском движении угрозу своей стабильности. А Данилевский в предпринятом исследовании выступал именно как идеолог славянофильства и панславизма.

Первое отдельное издание книги «Россия и Европа» вышло в 1871 году. Ее автора в первых же откликах начали огульно обвинять в том, что он «оправдывает самодержавный шовинизм и политику национальной вражды». Данилевский получил ярлык пророка «роковой смертельной борьбы России со всем западом, т. е. со всем образованным миром».

Еще одним предметом занятий Данилевского стал «Опыт областного великорусского словаря». Данилевский также оставил ощутимый след в истории отечественной биологии и географии, климатологии, статистики, политической экономии, статистики, написал несколько статей о русской географической терминологии.

Данилевский был истинным труженником, одним из самых заметных представителей нарождавшейся русской интеллигенции. Увы, его жизнь в Крыму не изобиловала заметными событиями. В орловской книге конца XIX века довелось прочесть пространную сентенцию о провинциальных интеллигентах. Основой для нее вполне могла послужить и деятельность Данилевского:

«При скромной обстановке жизни, при полной невзыскательности в желаниях и стремлениях, у них сохраняется неослабеваемая любознательность ко всему, что может и должно интересовать образованного человека. Начитанность и знакомство с тою или другою отраслью человеческих знаний иной раз бывает у них поразительная. Нередко их скромными именами украшаются страницы толстых ежемесячных журналов, иногда они дарят и более капитальными произведениями ученую литературу. Живавший в провинции не мог не встречать этих милейших людей и не пользоваться их умною, простою и не претендательною беседою. Сколько нового внесено этими труженниками в область научную, сколько новых и важных документов ими напечатано, сколько возбуждено стремлений по охранению родной старины, сколько вызвано внимания к вопросам историческим, экономическим и т. д. Бескорыстные их работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимает из области мелких матерьяльных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с ними поднимается и общество, среди которого они работают и действуют, внимающие им, смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними подымаются и движутся вперед...».

Умер Николай Яковлевич Данилевский от болезни сердца 7 ноября 1885 года на озере Гохчу по дороге в Тифлис, где был в командировке. Коротко и сердечно сказал о своем друге Н. Н. Страхов в июне 1886 года: «Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная».

Похоронен Н. Я. Данилевский в Мшатке в Крыму. Его сторонники, немало способствовавшие внешнему успеху книги «Россия и Европа», практически ничего не сделали для внутреннего развития и разработки исторических взглядов своего кумира. С 1895-го по 1991 год произведения Данилевского в России не переиздавались.

Главная книга жизни

Н. Я. Данилевский начал работу над книгой «Россия и Европа» в 1865 году, а четыре года спустя глава за главой она стала публиковаться в журнале «Заря». Уже сами названия глав не могли не вызвать интереса читателей, ведь речь шла о давних проблемах взаимоотношений России и остального мира. Стоит перечислить только заголовки («Почему Европа враждебна России?», «Гниет ли Запад?», «Различия в психическом строе», «Европейщина — болезнь русской жизни»), и станет понятно, какой резонанс вызвали поставленные Данилевским вопросы.

Данилевский заставлял читателя-обывателя задуматься, чтобы вырваться из плена обыденных стереотипов и представлений. Почему, например, Европа почти ничего не знает о современной России? Автор откровенно отвечал на этот вопрос:

«В моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит, или, по крайней мере, до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветуют. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку... Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных

систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России?.. Смешны эти оправдания мудрой, как змий, Европы – ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институте дело идет. Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет... Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы... Нечего снимать белмо тому, кто имеет уши и не слышит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит. Просвещение общественного мнения... может быть очень полезно... но только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единомышленников. Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать”.

Для тех, кто был все-таки не согласен с авторской трактовкой отношения остального мира к России, Данилевский прибегает своеобразной аргументации:

“Прочтите отзывы путешественников о России, пользующихся очень большою популярностью за границей, вы увидите симпатию... к кому угодно, только не к русскому народу... Прочтите статьи о России в европейских газетах, в которых выражаются мнения и страсти просвещенной части публики, наконец, проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения”.

Надо принять логику того, что Данилевский делает здесь горькое признание существующих фактов, признание, которое было бы не под силу иному исследователю или публицисту. Данилевский был убежден, что не существует единой нити общественного прогресса, и не чуждался самых резких оценок происходящего:

“Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Материалом, который можно формировать и обделывать по образу и подобию своему... Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, – которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, – которое имеет и силу, и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно, – чтобы не сказать невозможно – перенести это. Итак, во что бы то ни стало... надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости... Как дозволить распространиться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира... Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) – и когда оно идет о других странах и народах”.

Развивая свою аргументацию для доказательства главного вывода (“Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит”), Данилевский прибегал к самым разным доводам – из сферы биологии, антропологии, архитектуры. Итог рассуждений однозначен: “Европа есть поприще германо-романской цивилизации... Причина явления (враждебности к России. – **А. К.**)... лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели...”.

В чем же Данилевский видел главное отличие Европы от России? Рассматривая историю континента, особенно историю религий, он с уверенностью утверждал о том, что коренная черта европейского характера – насильственность, которая “есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристо-

кратизму, к угнетению народностей или к безграничной ничем не умиряемой свободе; в религии — к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета... Если не общий дух насильственности германо-романских народов, откуда взялись бы рыцарские ордена, несшие насильственную проповедь к Литве, к латышам и эстам и закрепостившие себе имущество и личность этих народов?... Откуда на вербовала бы Екатерина Медичи убийц Варфоломеевской ночи?... Не устающая действовать гильотина... внешние войны, которыми с мечом в руках проповедовались равенство, братство и свобода... Что же это такое, как не нетерпимость, не насильственное навязывание своих идей и интересов во что бы то ни стало?... Но и революционный дух улегается, политический интерес отступает на второй план, хотя и не на столь далекий, как религия, и снова первую роль играют интересы материального свойства, интересы торговли и промышленности. Это интересы по самому существу своему личные и не допускают, казалось бы, насильственности в своем применении. И однако же, и европейская торговля, эта мирная проводница цивилизации, представляет собой уже в наш просвещенный и гуманный век пример насильственности”.

Подытоживая различные суждения и оценки фактов, Данилевский пытается сформулировать собственные законы исторического развития. По его убеждению, они таковы:

“Закон 1. Всякое племя или семейство народов... составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа...

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно краток и истощает раз навсегда их жизненную силу”.

Данилевский особо подчеркивал значение единства традиций, быта, социально-экономического уклада, языка, национального самосознания и патриотизма для существования нации и типа в целом. Примечательно, что если славянофилы утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как истинный носитель всечеловеческого окончательного просвещения, то Данилевский, напротив, считал Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, однако наиболее широким и полным. Вообще он признавал четыре разряда культурно-исторической деятельности: деятельность религиозная, деятельность собственно культурная, политическая и социально-экономическая. По его мнению, иные исторические типы сосредотачивали свои силы на одной из указанных сфер деятельности (евреи — на религии, греки — на культуре). И только России и славянству удалось равномерно развить все четыре сферы и осуществить полную “четырёхосновную” культуру.

Обратим внимание именно на эти два не случайно упоминаемых в книге народа — евреев и греков. Чтобы русский народ не разделил судьбу исчезнувших цивилизаций, не остался на обочине мирового процесса, Данилевский выступил с жестким предостережением: “Иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в апатии самодовольства... или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал... был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути, — в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в апатию отчаяния”.

Созвучна мысль Данилевского и более поздняя концепция русского философа анархиста П. А. Кропоткина. В своей фундаментальной работе “Современная наука и анархия” (1913) он подчеркивал, что “история не представ-

ляет одной, непрерывной линии развития. По временам развитие останавливалось в одной части света, а затем возобновлялось в другой. Египет, Азия, берега Средиземного моря, Центральная Европа поочередно перебивали очагами исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило к сельской общине, затем наступал период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало”. Такова была история, по мнению Кропоткина, Палестины, Древней Греции, Древнего Рима и ряда других стран. Чтобы избежать фатальной смерти, которая постигла все древние государства, по мнению Кропоткина, надо было до основания разрушить современное государство и построить новое общество, “общество на свободном, противогосударственном фундаменте”.

В сравнении с Кропоткиным Данилевского нельзя назвать историческим пессимистом. Автор “России и Европы” был далек от огульного охаивания всего западного, более того, он допускал возможность того, что в будущем враждебность Европы к независимому самобытному славянству прекратится, но это произойдет не раньше, чем она убедится в неодолимости появившейся на Востоке новой миродержавной силы – Всеславянского союза. По мысли Данилевского, Всеславянский союз необходим как гарант сохранения всемирного равновесия. Предрекая России возможные риски и опасности, он с оптимизмом смотрел в будущее:

“Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, – Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности. Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России”.

Данилевский был убежден: идея Славянства должна быть для славян высшей идеей – выше свободы, науки и т. д. Только Всеславянский Союз мог быть гарантом будущего развития страны. Многие современники (в том числе П. Н. Милюков) отмечали, что деятелей общественного движения в России привлекал в первую очередь предложенный Данилевским проект всеславянской федерации, позволявший ненасильственным путем объединить не только православных, но и славян-католиков, славян-протестантов. План федерации по Данилевскому был популярен в литературно-политических кружках Киева, Богемии и Хорватии.

Немалый интерес заслуживает трактовка Данилевским специфики русского патриотизма, его обусловленности. Еще задолго до Данилевского Готлиб Фабер (1766–1847), служивший в Министерстве иностранных дел России и издававший газету в Петербурге, обратил внимание на то, что “русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности... Это не расчет, это ощущение, и это ощущение – молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом: вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем – такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать... Русский человек еще недалек от первобытного состояния”.

И поддерживая эту мысль, и споря с ней (как было разделить тезис о первобытности русских?!), Данилевский выводил суть русского патриотизма из своей теории культурно-исторических типов:

“Чисто политический патриотизм возможен для Франции, Англии, Италии, но невозможен для России, потому что Россия и эти страны – единицы неодинакового порядка. Они суть только политические единицы, составляющие части другой высшей культурно-исторической единицы – Европы, к которой Россия не принадлежит”.

Данилевский предупреждал читателей в том, что борьба России с Европой неизбежна. Исходя из этого, он обосновал ряд принципов государственной стратегии:

- стремление России разрешить свои проблемы с помощью Европы бесперспективно;
- для сохранения своей политической и духовной независимости Россия должна как можно быстрее освободиться от “добровольно наложенных на себя пут и цепей”;

– руководящим принципом, способным обеспечить успех политики России, должен стать русско-славянский эгоизм, что позволит ей выйти из европейской политической системы с твердым сознанием своей политической линии.

Данилевский был твердо убежден в том, что Россия в разные исторические эпохи добивается наибольших успехов на международной арене только тогда, когда в центре российской политики стоят русские интересы. Когда же она начинает отстаивать “общеевропейские интересы”, все ее прежние успехи обращаются против нее же и “заставляют истекать кровью ее собственное тело”.

Здесь уместно вспомнить о земляке Данилевского, руководителе внешнеполитического ведомства России на рубеже XVIII–XIX веков Ф. В. Ростопчине. Он был сторонником активной внешней политики России, причем такой политики, которая была бы ориентирована не на скромное участие в европейских делах, а на доминирование Российской державы. Ростопчин выступал за приобретение Россией статуса супердержавы, которая будет смело диктовать свою волю другим народам.

Вслед за Ростопчиным Данилевский повторяет сентенцию о вреде подражания Западу, более того, целую главу посвящает этой теме и озаглавливает “Европейничанье – болезнь русской жизни”. Порой чувство меры изменяет Данилевскому, например, он на славянофильский манер высказывается об “уродливости европейской одежды”. В целом же вполне обстоятельна мысль Данилевского о том, что европейничанье губительно для России: “Поэтому ложная политика угодливости перед Европой, жертвование ей своими интересами, принятие ее интересов за что-то высшее, требующее большего внимания и уважения, чем наши собственные русские интересы, политика, которая обратилась в систему, в традицию, в неискоренимый предрассудок... несравненно опаснее, несравненно оскорбительнее, чем неверный политический расчет... Такая политическая система свидетельствует не о сомнениях в силах и средствах... не об ошибочной оценке нашего положения в настоящий момент, а о сомнении в смысле, цели, значении самого исторического бытия России... С такими сомнениями в сердце исторически жить невозможно!” (статья “Россия и Восточный вопрос”).

Касаясь перекички взглядов Ростопчина и Данилевского, при всей их схожести, необходимо отметить и целый ряд отличий, обусловленных тем, что две эти фигуры принадлежали разным эпохам. В отличие от Ростопчина Данилевский был убежденным противником крепостного права: “Одним освобождением крестьян силы России увеличились и в материальном и в нравственном отношении до неисчислимых размеров”. Он высоко ставил потенциал освобожденного от крепостной зависимости русского народа: “По отношению к силе и могуществу государства, по способности жертвовать ему всеми личными благами, и по отношению к пользованию государственною и гражданскою свободою – русский народ одарен замечательным политическим смыслом”.

В то же время Данилевский, как и Ростопчин, был монархистом, считавшим самодержавие единственно возможной формой государственного устройства России. По его мнению, самодержавный характер Русского государства – это данность всей русской истории. Однако в триаде С. С. Уварова Данилевский, как и другие панслависты, отодвигал самодержавие на последнее место, главным же в его стратегии развития становилась народность: “Народность, православие, самодержавие”.

Данилевский в оценках писателей, историков и философов

Книга Н. Я. Данилевского появилась в самый момент рождения “Бесов” Ф. М. Достоевского. Горечь колоссального военного поражения в Крымской войне, сознание национального унижения, ощущение глубокого разочарования европейской политикой заставила крупнейших мыслителей России задуматься над вопросом “Европа ли Россия?”. Искал на него ответ и Ф. М. Достоевский.

В феврале 1868 года А. Н. Майков написал Достоевскому о новом знакомце – Н. Я. Данилевском: “С четырех коротких фраз мы поняли друг друга. Этот Данилевский – бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием “Россия и Европа”: тут и история, начиная с арийцев, и этнография, и политика, и восточный вопрос. Представьте себе: методы естествен-

ных наук, приложенные к истории, — прелесть что такое! Это будет капитальное явление... Будет печататься по частям... Светлая голова, развившаяся в странах по России и окрепшая в науке”.

Достоевский тотчас же ответил (письмо из Женевы от 2 марта 1868 года): “Ведь это тот Данилевский, бывший фурьерист, по нашему делу? Да, это сильная голова”. В ноябре этого же года Н. Н. Страхов, сообщая Достоевскому об организации журнала “Заря”, подчеркивал, что он запланировал ряд капитальных статей Данилевского: “Он теперь действительный статский советник и в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей “Россия и Европа”. Это целое учение, славянофильство в более определенных и ясных чертах”.

Достоевский писал Майкову 11 декабря 1868 года: “Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского, “Европа и Россия”, о которой Николай Николаевич пишет как о капитальной статье. Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается русский человек!”

Когда первые части работы Данилевского, опубликованные в “Заре”, были прочитаны Достоевским, тот из Флоренции написал редактору журнала Н. Н. Страхову: “Статья Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно, уже два года записываю, именно готовя статью, с точно такою мыслию и выводами. Какое же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, — уже осуществленным — стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, несмотря на все усилия мои, не мог осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения “Зари”... Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. Поэтому, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия”.

Однако многие страницы “Дневника писателя” за 1876–1877 годы — это спор с Данилевским, причем довольно активная полемика (например, в ноябре 1877 года, в главе “Толки о мире”: Достоевский считал, что завоеванный в будущем Константинополь должен принадлежать только России, а не союз славянских народов, как предлагал Данилевский).

Наиболее активным и системным критиком работ Данилевского стал философ В. С. Соловьев (1853–1900). Это особенно проявилось в связи с тем, что после смерти Данилевского вопрос об отношении общечеловеческого к народному стал стержневым пунктом полемики, которая в течение ряда лет велась на страницах “Вестника Европы” и “Русского вестника” между В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым, горячим сторонником Данилевского. Оценка Соловьевым значения наследия Данилевского была неоднозначной. Эмоциональный Соловьев мог назвать книгу “Россия и Европа” “кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу”. В другом случае звучали и более умеренные оценки: “Занимающие значительную часть книги Данилевского мысли об упадке Европы и об отличительных особенностях России (православие, община и т. д.) вообще не представляют ничего нового по сравнению с тем, что было высказано прежними славянофилами”.

Корень противоречия заключался в том, что В. С. Соловьев был убежденным противником теории культурно-исторических типов, которая, по его мнению, “идет вразрез с общим направлением всемирно-исторического процесса, состоящего в последовательном возрастании (экстенсивном и интенсив-

ном) реальной (хотя наполовину безотчетной и невольной) солидарности между всеми частями человеческого рода. Все эти части в настоящее время, несмотря на вражду национальную, религиозную и сословную, живут одною общею жизнью, в силу той фактической неустранимой связи, которая выражается, во-первых, в знании их друг о друге, какого не было в древности и в средние века, во-вторых, в непрерывных сношениях политических, научных, торговых, и, наконец, в том невольном экономическом взаимодействии, благодаря которому какой-нибудь промышленный кризис в Соединенных Штатах немедленно отражается в Манчестере и Калькутте, в Москве и в Египте”.

Однако в целом критика Соловьева не носила пренебрежительного или уничижительного характера. Более того, он подчеркивал, что “независимо от оценки его историко-публицистического труда, должно признать в Данилевском человека самостоятельно мыслящего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей и имеющего скромные, но бесспорные заслуги в области естествознания и народного хозяйства”.

Достаточно пристальное внимание работе Данилевского уделил известный русский историк П. Н. Милюков. В частности, Милюков критиковал философию истории Данилевского в статье “Разложение славянофильства” в сборнике “Из истории русской интеллигенции” (СПб., 1902). В фундаментальном труде “Очерки по истории русской культуры” он называл Данилевского националистом, эпигоном славянофилов, автором славянофильского “евангелия”. Милюков считал Данилевского прямым продолжателем славянофилов и книгу “Россия и Европа” назвал попыткой “вновь обосновать славянофильскую теорию на данных естествознания, после того как обветшал философский фундамент, на котором это учение сложилось. Освободившая славянство “от всемирной миссии” и превратившая его в абсолютно замкнутый в себе “культурно-исторический тип”, неподвижный и неизменяемый как типы естествознания (Данилевский — противник дарвинизма), — теория Н. Я. Данилевского как нельзя более подходила к узкому национализму эпохи славянофильства <...> славянофильская формула находила полное применение к политике борьбы против высших сословий во имя крестьянских интересов, с которой стало держаться правительство на окраинах”.

Философ К. Н. Леонтьев (1831–1891) считал Данилевского одним из своих учителей и разделял точку зрения о том, что Россия является особым культурно-государственным миром, что российская цивилизация заменит собой цивилизацию европейскую, западную в ее всемирно-исторической роли. К. Н. Леонтьев — автор статьи “В. С. Соловьев против Данилевского” (1888). Вслед за Данилевским Леонтьев подчеркивал, что решение восточного вопроса для будущего России имеет первостепенное значение, так как “даст нам... тот выход из нашего нравственного и экономического расстройств, который мы напрасно будем искать в одних лишь внутренних переменах”.

Н. Н. Страхов писал о книге “Россия и Европа”: “Главная мысль Данилевского чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Он дал новую формулу для построения истории, формулу гораздо более широкую, чем прежние, и потому, без всякого сомнения, более справедливую, более научную, более свободную уловить действительность предмета, чем прежние формулы. Именно он отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации”.

Разработанная Данилевским теория культурно-исторических типов (цивилизаций) опередила на десятилетия аналогичные концепции О. Шпенглера и А. Тойнби, которые оказали значительное влияние на развитие западной социологии. Ведь именно Данилевский за полвека до О. Шпенглера (“Закат Европы”) предсказал глубокий кризис европейской цивилизации. О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Нортропа, А. Шубарта и П. А. Сорокина объединило с Данилевским критическое отношение к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса.

В. В. Розанов в одной из своих статей 1918 года, назвав десяток фамилий деятелей славянофильского направления, в том числе и Данилевского, восклицал:

“Были и праведники... предупреждавшие... Но они все были бессильны. Они звонили в колокольчики, когда в стране шумел набат. Никто их не услышал, никто на них не обратил внимания. Когда уже все крушилось, пирамида падала, царство падало, когда поднялась Цусима одного дня, о всех этих

предупреждавших... даже не вспоминали, даже не назвали ни разу их имен”.

Поразительно, но предостережения Данилевского действительно не были услышаны. Российские философы конца XIX – начала XX века дали Н. Я. Данилевскому обидное прозвище “зоолог в славянофильстве”. После Октябрьской революции официальная наука высказывалась в его адрес скупой и крайне резко: “теоретик русского национализма” (Малая советская энциклопедия, 1929), “глава поздних славянофилов-”почвенников” <...> По политическим взглядам Данилевский – националист, апологет политики царизма” (Философская энциклопедия, 1960), “идеи Данилевского оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма” (Большой энциклопедический словарь, 1980).

В свете событий истории России предостережения Данилевского о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого “прогресса”, об опасности денационализации культуры и ныне звучат более чем актуально. Россия, заплатившая за “реформы” колоссальную цену, нуждается сегодня в консерваторах и консерватизме, который в других странах все больше становится амортизатором, регулирующим степень давления перемен на наиболее уязвимые общественные слои. Ценностный консерватизм предоставляет гражданам страны роскошь иметь моральные ценности и исторические традиции.

Благодаря отказу от выдвижения всеобщих моделей политического устройства, опоре на многообразие политических, религиозных, исторических традиций народа, консерватизм сыграл и ныне может играть роль привлекательной мировоззренческой ориентации для политиков, способных сочетать здравомыслие и рассудительность с творческой энергией.

Избитая истина: разрушать имеет право только тот, кто знает, как надо строить, и умеет строить. В такой обширной стране, как Россия, необходимо создать не только единую торгово-промышленную стратегию для всемерного повышения производительности русского капитала. Жизненно необходимы новый механизм общественно-государственного взаимодействия, а также новая культура геэкономического наступления (вспомним идеи консерваторов о Всеславянской федерации, о русском влиянии и т. д.).

Идеал общественного устройства в русской философии – создание такой человеческой общности, где личность не подавляется обществом, но и последнее, в свою очередь, не страдает от эксцессов личного произвола. Николай Данилевский оставил потомкам интеллектуальную основу для того, чтобы с учетом конструктивных идей и концепций выстроить жизнеспособную стратегию движения России в общемировом процессе развития.